
Ярослав Северцев
9
ЗАПАСНОЙ
ИЗ БУДУЩЕГО
КНИГА 3
ДОРОГА В ЦСКА

Ярослав Северцев

Запасной из будущего
книга 3 Дорога в ЦСКА

«Автор»
2026

Северцев Я.

Запасной из будущего книга 3 Дорога в ЦСКА / Я. Северцев — «Автор», 2026

Зима 1970-х сковала машзаводской поселок лютым тридцатиградусным морозом. Пока чиновники горкома за закрытыми дверями переписывают регламенты, пытаются наложить на секцию «Вымпел» медицинское вето и заваливают Лебяжье озеро шлаком из котельной, в глухом провинциальном подвале происходит нечто необъяснимое.В разгар ночных тренировок под колючими звездами на обледенелом берегу появляется незнакомец в сером заграничном пальто. В его руках — кожаный блокнот, куда заносятся имена первой пятерки «Вымпела». Цена вызова в Москву, в молодежную структуру ЦСКА, озвучена прямо: выйти на лед областного финала в Челябинске и выиграть главный Кубок.

© Северцев Я., 2026
© Автор, 2026

Ярослав Северцев
Запасной из будущего
книга 3 Дорога в ЦСКА

Дорогие читатели!

Обратите внимание! Важное дисклеймер-уведомление от автора:

Все имена, персонажи, места и события, описанные в романе, **являются полностью вымышленными**. Любые совпадения с реальными историческими лицами, живыми или умершими, а также с подлинными фактами прошлого — случайны.

Эта книга написана в жанре спортивной фантастики и альтернативной истории. Она **не является историческим исследованием или документальной хроникой** , а представляет собой исключительно художественный вымысел и авторский взгляд на развитие событий.

Автор **не имеет умысла принизить, оскорбить или подвергнуть сомнению достижения советской школы хоккея**. Напротив, я искренне считаю отечественную хоккейную систему того периода одной из величайших, самобытных и лучших в мире. Данное произведение — это дань уважения той эпохе, великим спортсменам и железному характеру простых людей, облеченная в увлекательную форму фантастического романа.

В связи с тем, что вы часто спрашиваете о продолжении и просите выпускать новые части как можно быстрее, я хочу открыто поделиться с вами текущей ситуацией и вместе принять важное решение.

На сегодняшний день **вся серия «Запасной из будущего» полностью написана и будет состоять из 5 томов**. Сюжетная линия доведена до финала, однако сейчас все оставшиеся книги находятся в стадии сырого черновика.

Чтобы ускорить процесс публикации и пойти вам навстречу, я попробовал прибегнуть к автоматизированной редактуре с помощью специальных программ. К сожалению, этот опыт показал, что машинная обработка текста оставляет желать лучшего: программы часто пропускают сюжетные нестыковки, путают временные рамки и допускают речевые повторы. Качественную, «живую» историю таким способом не получить.

Перед нами стоит выбор, и я хочу, чтобы его сделали именно вы. Пожалуйста, напишите в комментариях, какой путь для вас предпочтительнее:

Скорость. Я могу выкладывать книги одну за другой в том виде, в котором они есть сейчас. Но в этом случае вам придется набраться терпения и закрывать глаза на возможные текстовые ляпы, ошибки, повторы и логические нестыковки черновика.

Качество. Я отдаю книги на глубокую профессиональную редактуру. Текст будет чистым, выверенным и качественным, но этот процесс потребует времени — в среднем **около 2 месяцев на каждый том**.

Голосуйте в комментариях, делитесь своим мнением и, пожалуйста, не судите строго! Выбор за вами — от него зависит, когда и в каком виде выйдет продолжение истории Макса Субботина.

С уважением и благодарностью за вашу поддержку,

Ваш Ярослав Северцев

Глава 1. Встреча

Апрельский рассвет над заводским поселком не принес весеннего тепла. Небо, затянутое серой марлей угольного дыма, тяжело нависало над шлакоблочными пятиэтажками. Из ворот локомотивного депо с глухим, утробным шипением выкатился маневровый тепловоз, окутав платформу клубами белого пара.

Пассажирский поезд № 48 Челябинск — Москва затормозил у третьей платформы скрежетом тормозных колодок. Металл вагона пахнул гарью, сырым сукном и застарелым махорочным дымом. Из тамбура, тяжело опираясь на массивную бамбуковую трость, первым вышел Николай Павлович. Его седые усы обледенели от утренней изморози, а формованная меховая шапка была сдвинута на затылок. Следом, придерживая плечами громоздкие, связанные бечевой брезентовые баулы, потянулись пацаны.

Они шли не как триумфаторы. Валька Королев, укутанный в потрепанную курточку-болонью, прятал взгляд, уставившись в щербатый бетон платформы. На его лбу синел глубокий след от ремешка шлема, а правое колено при каждом шаге неестественно подворачивалось. Рядом, придерживая Бориску Шкафа за локоть, шагали близнецы. Сам Боря, казавшийся в своем ватнике еще огромнее, бережно баюкал правую кисть. Марлевая петля, державшая серый гипсовый лонгет со стальными спицами Киршнера, потемнела от дорожной пыли.

Мишка Соколов шел последним. Под его драповым пальто угадывались тугие витки эластичного бинта, стягивающего сломанное ребро. Правая щека парня пожелтела от застарелого синяка, а губы были плотно сжаты. Триста сорок два рубля, собранные рабочими по копейке, лежали в холщовой сумке в кармане тренера. Но главного кубка страны в руках у Мишки не было. Только маленькая, штампованная из дешевого медно-никелевого сплава жестянка на пластмассовой колодке, которую Петька Зайцев бережно прижимал к груди, словно боялся выронить.

На привокзальной площади, прямо у забора из силикатного кирпича, их ждали. Мужики из третьей литейной смены стояли плотной группой, не сняв после гудка засаленных брезентовых роб. Рядом переминались с ноги на ногу слесари депо во главе с Седым. Из кармана ватника бригадира торчала неизменная пачка «Беломора». Баян, который мужики также привезли на вокзал, сиротливо стоял на деревянном ящике из-под тракторных деталей.

Николай Павлович остановился, глухо стукнув тростью по заледеневшему насту. Пацаны выстроились за его спиной, опустив баулы в грязную весеннюю жижу.

Седой сделал три шага вперед, хрустя подошвами тяжелых рабочих сапог. На его лице, иссеченном угольной пылью, не было улыбки. Он обвел взглядом израненную команду, задержавшись на заплывшем глазу Сереги Воронина и марлевом коконе Бориски.

— Ну что, хоккеисты, — Седой вытащил папиросу, чиркнул спичкой об коробок. Сизый дым потянулся к трубам машзавода. — Приехали, значит.

Мишка Соколов шагнул вперед, опередив тренера. Его пальцы, покрытые сухими мозолями от гаражной дроби, крепко сжали ремень портфеля. Он поднял голову, глядя бригадиру прямо в глаза. В этом взгляде пятнадцатилетнего пацана не было подросткового испуга — только сухой, жесткий отчет мужика перед мужиками.

— Дядя Степан, мужики… — Голос Мишки прозвучал глухо, разбитая челюсть еще плохо размыкалась. — Деньги ваши мы до копейки отработали. Но билеты обратно… в общем, третьи мы. Бронза. Столичные «Крылья» в полуфинале нас на последних секундах срезали. Не удержали замок. Извините нас. Не привезли золото.

В толпе рабочих прошел глухой ропот. Кто-то переступил с ноги на ногу, котельщики переглянулись. Валька Королев судорожно сглотнул, его плечи задрожали, а пальцы в дырявых варежках до белизны костяшек сжали черенок сломанной «Эфси». Он ждал злых слов. Поселок не прощал пустых трат. Триста сорок рублей — это были заначки, сверхурочные, премиальные за литье тяжелых узлов.

Седой медленно подошел к Мишке вплотную. Огромная ладонь бригадира, покрытая мазутными трещинами, легла на плечо парня. Пальцы слесаря сжались, нащупав под пальто жесткий край наплечника, который Мишка так и не снял.

— Извиняешься, значит? — Седой выплюнул папиросу в снег. — Лицо покажи, Соколов.

Мишка поднял подбородок. Желто-зеленая гематома у уха, растрескавшиеся губы, ввалившиеся от столовского голода щеки.

Бригадир обернулся к толпе рабочих и вдруг зычно, на всю площадь, гаркнул:

— Слыхали, мужики?! Извиняется капитан! Бронзу они из Москвы привезли! Столичных пижонов в ихнем крытом ангаре обыграли, Свердловск под борта закопали, в газетах их кустарной массовкой назвали — а они выстояли!

Степан Воронин, отец Сереги, шагнул из толпы, швырнув рукавицы на брезент баула. Его лицо перекосилось от дикой, злой гордости. Он подлетел к сыну, схватил его за куртку, разглядывая заклеенную пластырем бровь.

— Живой, оболтус?! Живой! — Степан обернулся к слесарям. — Чего стоите, как на поминках?! Качай их мужики! Качай … Котельщики, подхватывайте!

Прежде чем Мишка успел отступить, огромные, жесткие руки рабочих подхватили его под мышки и взметнули вверх, к серому небу поселка. Баулы полетели в сторону, Петьку Зайцева вместе с его кубком подняли двое формовщиков из литейного. Толпа взревела так, что заглушила гудок тепловоза. Мужики орали, хлопали пацанов по избитым спинам, литейщики тянули свои мозолистые руки, чтобы просто коснуться заштопанных свитеров.

— Вымпел! — катилось над привокзальной площадью. — Машзавод! Умыли городских!

Баянист рванул меха, и хриплый, яростный аккорд «Вдоль по Питерской» разорвал утреннюю тишину. Николай Павлович стоял в стороне, прижав планшет к груди. По его заиндевевшим усам ползла одинокая, тяжелая слеза, оставляя чистую дорожку на бледной щеке. Он смотрел, как его изломанных, израненных пацанов, прыгнувших выше головы на одной лишь морально-волевой ярости, качает на руках весь передовой рабочий класс машзавода.

Мишка, взлетая над толпой рабочих спецовок, видел бледное лицо отца. Петр Соколов стоял у стены каптерки в своем чистом выходном пиджаке. Он не орал, не лез в давку. Он просто смотрел на сына, и в его тяжелом мужицком взгляде впервые не было тревоги. Там горела суровая, монолитная гордость слесаря, чей сын вернулся с войны мужчиной.

Когда пацанов наконец опустили на затоптанный наст, Седой протянул Мишке тяжелую, теплую руку.

— Молодец, капитан. Результат на верстак поставим. А Князев из горкома… пусть подавится своими циркулярами. Завод за вас подписался. Идите по домам. Отсыпайтесь. Весна короткая, а лед… лед мы вам удержим, чего бы это ни стоило

Глава 2. Анатомия восстановления

Майский дождь стучал по проржавевшей оцинкованной крыше гаража Серёги Воронина, смывая с досок весеннюю грязь. Внутри пахло сухой сосновой растопкой, ихтиоловой мазью и едким дегтярным мылом. На верстаке, под тусклой сороковаттной лампочкой, вместо хоккейных сабель теперь лежали медицинские бланки, пузырьки с жидким аптечным кальцием и пакеты с жирным домашним творогом, который мужики из литейного цеха привозили парням каждое утро прямо со своих подворий.

Биология упрямо брала свое. Полуторамесячный лазарет после московского плей-офф подошел к концу, и истощенные тела пацанов, получив полноценный отдых и качественный белок, ответили мощнейшим физиологическим взрывом. Организм шестнадцатилетних парней, зажатый до этого постоянным дефицитом калорий и лютым морозным стрессом Лебяжьего озера, буквально выстрелил ввысь.

Мишка Соколов стоял спиной к деревянному косяку гаражной двери. Серёга Воронин, удерживая в левой руке обломок школьной линейки, аккуратно прижал её к макушке капитана и сделал жирный задир ножом на древесине.

— Твою в обком, Миха… Семь сантиметров за два месяца, — Серёга присвистнул, разглядывая старые мартовские метки. — Ты ж теперь Седому из депо почти по плечо будешь. Хребет-то вытянулся, а плечи… Гляди, куртка-болонья на лопатках по швам трещит.

Мишка повернулся, разминая плечевой сустав. Из зеркального осколка на верстаке на него смотрел рослый, длиннорукий атлет с тяжелым подбородком, жесткими желваками и сухой, жилистой мышечной массой.

— Рост — это хорошо, Серый. Но рычаги поменялись, — Мишка подошел к ведру с чугунной дробью, опустил туда пальцы и с силой сжал металлическую массу. Рука вошла глубже, чем весной. — Длина рук больше, шаг шире. Наша старая посадка теперь не сработает. Если кататься по-прежнему, центрифуга на вираже просто выбросит тело к бортам. Будем перестраивать биомеханику. Как глаз?

Серёга Воронин убрал марлевую повязку. Рассеченная свердловским крюком бровь затянулась аккуратным белым шрамом. Правый глаз открылся полностью, сизая гематома сошла, уступив место здоровому, злому блеску. Он жестко притопнул правой ногой, на которой вместо эластичной муфты теперь красовался обычный шерстяной носок.

— Голеностоп держит, Миха. Твои жгуты из мазовской резины связки закачали так, что лапа в сторону вообще не заваливается. Только… коньки «Ботас» мои чехословацкие… — Серёга со злостью пнул валявшуюся в углу кожаную колодку. — Не лезет нога. Пальцы сводит, пятка наружу торчит. Мы же все из обуви выросли. Близнецы вчера свои сапоги рабочие отцам отдали — малы.

Дверь гаража со скрипом отворилась, впустив сырой весенний воздух и Бориску Шкафа. Наш главный защитник-разрушитель больше не баюкал правую кисть. Неделю назад в городской больнице № 2 хирург точечно вытащил стальные спицы Киршнера из фаланги. Боря прошел к верстаку, взял со стола тяжелый литой замок от гаража и попробовал сжать его пальцами правой руки. Суставы хрустнули, лицо Бори налилось багровой кровью, но пальцы подчинились, сомкнувшись вокруг железа. Хват восстановился.

— Сила есть, Миха, — басом прогудел Шкаф, жестко ощерившись. — Но кисть тугая, как деревянная чурка. Сухожилие после гипса не тянется.

— Разработаем, Боря. Вращательные движения кистями в воде, мелкая моторика, — Мишка поднялся с ящика, его новые, длинные ноги двигались легко, без весенней вялости. — Главное — кость встала анатомически верно. Хребет у защиты есть. Палыч где?

— В профкоме бьется, — Шкаф присел на лавку, панцирная сетка под его стодесятикилограммовой массой жалобно звякнула. — Заводской инвентарь на новый сезон выбивает. Князев-старший из горкома циркуляр прислал: «В связи с отсутствием зимнего сезона финансирование заморозить». Но Палыч упрямый, сказал — без новых коньков и формы ребят на летние сборы ОФП не выведет.

Мишка подошел к верстаку, взял в руки свою самодельную деревянную саблю «Эфси». Крюк, обмотанный черной изолентой, теперь казался коротким из-за вытянувшихся рук. Баланс сместился. Мишка сделал короткое, взрывное движение кистями — одними пальцами, без замаха плечом. Инструмент послушно рассек воздух с сухим свистом, но разум энхаэловца четко фиксировал: длину черенка нужно увеличивать минимум на десять сантиметров.

— Собираем пацанов, — жестко произнес Мишка, оборачиваясь к Серому и Боре. — Вечером в четыре часа — первый сбор на коробке «Машиностроителя». Льда нет, асфальт сухой. Начинаем жесткую физуху. Будем закачивать новые мышцы под новые рычаги. Нам нужно вернуть координацию до того, как скаут из Москвы приедет.

Когда они вышли на стадион, майское солнце наконец пробило серую мазутную хмарь поселка. Коробка «Машиностроителя» встретила их серостью облупленных досок. Земля вокруг бортов подсохла, покрывшись молодой зеленой травой. На лавке запасных уже сидели близнецы Колька и Мишка, Валька Королев и Петька Зайцев.

Пацанов было не узнать. Валька Королев, птушник, бросивший гайки ради глубокой защиты, вытянулся так, что его старая болоньевая курточка едва прикрывала пупок. Грудь парня раздалась вширь, плечи округлились. Близнецы сидели ровные, длинноногие, избавившиеся от подростковой сутулости. Провинциальная рабочая окраина за весну превратилась в банду рослых, мощных атлетов.

Николай Павлович стоял посреди сухой коробки. Его тяжелый суконный тулуп наконец-то сменился на легкий синий тренировочный костюм с надписью «Зенит» на спине. Меховая шапка уступила место кепке, но секундомер по-прежнему был зажат в потемневшей кожаной перчатке. Тренер обвел взглядом выстроившихся парней, задержавшись на Мишке Соколове. В глазах старого фронтовика промелькнуло удивление, смешанное с суровой гордостью.

— Ну что, орлы… — негромко, сорванным простуженным басом произнес Палыч. Выросли, значит. Из формы выросли, из коньков выросли. Столичный дефицит мы перетерпели, а вот с ростом вашим… В общем, списал я со склада депо десять пар новых рабочих ботинок со стальным носком. Будем прыгать. Физиология — штука упрямая, ноги пустые после болезни надо наливать чугуном. Капитан Соколов, доложи о готовности лазарета.

Мишка сделал шаг вперед, его новая широкая тень легла на сухой асфальт коробки.

— Все в строю, Николай Павлович. Швы затянулись, спицы сняты. Готовы ломать старые схемы. Стиль игры меняем с этого дня. Под новые рычаги и массу.

Глава 3. Большой набор

Асфальт на коробке «Машиностроителя» к июню раскалился так, что подошвы стоптанных кед Королева оставляли на черных трещинах липкие следы. За дощатым бортом, прямо на некошеной траве, сидели мужики с литейного цеха — зашли после первой смены, бросив на землю брезентовые баулы со спецовками. Пахло сухой полынью, мазутной гарью от недалекого депо и дешевым табаком. Мужики лениво переговаривались, курили «Беломор» и ждали, пока Николай Павлович объявит начало.

— Слышь, Миха, глянь на толпу, — Серёга Воронин толкнул Соколова плечом в бок. Его локоть теперь упирался Мишке аккуратно под мышку — за майские недели капитан вымахал так, что старая тренировочная майка «Вымпела» натянулась на широких лопатках до треска ниток. — Полпоселка сбежалось. Вон те, с третьей линии, из бараков. Которые за линией железки живут. Косолапые все, злые. На лавку нашу косятся, будто мы у них заначки отобрали.

Мишка Соколов стоял, оперевшись руками на верхний край деревянного борта. Доски, облупившиеся от прошлогодней краски, были шершавыми и теплыми. Он молча перевел взгляд на толпу за воротами. Там переминались с ноги на ногу человек тридцать пацанов. Все разнокалиберные: кто в засаленных рабочих штанах, обрезанных по колено, кто в отцовских сатиновых трико с вытянутыми коленями. Но глаза у всех были одинаковые — голодные, колючие. Поселок после московской бронзы «Вымпела» сошел с ума. Каждый малолетний хулиган с окраины, который раньше по подворотням пустые бутылки собирал, теперь мечтал о зашторанном свитере с девяткой.

Вдруг толпа у калитки расступилась, и на асфальт коробки лениво шагнул парень. Был он рослым, широким в кости, с тяжелой, словно топором рубленой челюстью и коротким ежиком темных волос. На нем была серая застиранная майка-алкоголичка, из-под которой торчали мощные плечи, покрытые свежими царапинами от малинника, и старые демисезонные ботинки без шнурков. Шел он не торопясь, покачиваясь, засунув пальцы за пояс широких сатиновых шаровар. Настоящий барак на ножках.

— Это Хмурый. Сашка Хмуров из шестого тупика, — тихо, сквозь зубы процедил Валька Королев, сделав полшага назад, ближе к Бориске Шкафу. — Его старший брат в депо на смотровой канаве сидит, коленвалы перебирает. А сам этот Сашка… Злой как собака цепная. Про-

шлой осенью на танцах в клубе двоих городских колом от забора уложил. Его Палыч в секцию два года назад не взял за драку на раскатке. Приперся все-таки.

Сашка Хмурый остановился посреди коробки, прямо на белой линии центрального круга. Он не посмотрел на тренера, который как раз выходил из каптерки с тактической доской под мышкой. Его колючий, серый взгляд уставился прямо на Мишку Соколова. Хмурый сплюнул сквозь зубы на раскаленный асфальт и ухмыльнулся, обнажив сколотый передний зуб.

— Ну че, городские герои, — голос у Хмурого был густым, прокуренным, совсем не подростковым. — Медали, значит, жестяные привезли? В газетах про вас писали, мол, выскочки подвальные. А я гляжу — обычные пацаны. Соколов, ты че так вымахал? Под корову ложился, чтоб вытянула?

Серёга Воронин дернулся вперед, сжав кулаки так, что побелели костяшки, но Мишка выставил в сторону длинную, сухую руку, пресекая движение. Хладнокровие — главный козырь против уличного пижона. Мишка медленно сошел с лавки на асфальт, его новые, длинные ноги двигались мягко, без суеты. Он остановился в двух шагах от новичка. Хмурый был шире в плечах, но Соколов теперь смотрел на него сверху вниз — сантиметров на пять.

— Пришел в хоккей играть, Хмуров? — спокойно, без злобы спросил Мишка. — Или просто зубы лишние во рту мешают? Если играть — вставай в хвост колонны. Тут Палыч решает, кто выскочка, а кто на банке сидеть будет.

Хмурый сузил глаза, его желваки на тяжелой челюсти заходили ходуном. Он сделал шаг вплотную, так что запах его застарелого пота и дешевого мыла ударил Мишке в нос.

— Палыч твой старый уже, из ума выжил со своим секундомером. А ты, девятка, мне не указ. Я в первую пятерку пришел. Место Бориски Шкафа займу. Его рука все равно со спицами сгнила, че он там на синей линии удержит? Полено гипсовое.

За бортом мгновенно стало тихо. Мужики-литейщики перестали дымить папиросами, приподнялись с травы. Боря Шкаф, сидевший на лавке, медленно поднялся. Его огромная фигура загородила солнце. Правая кисть, только месяц как освобожденная от стальных фиксаторов Киршнера, с хрустом сжалась в кулак. Боря сделал шаг к калитке, но в этот момент из каптерки раздался резкий, яростный свисток.

Николай Павлович шел по асфальту быстро, глухо стуча своей неизменной бамбуковой тростью. Синий тренировочный костюм «Зенит» на его груди потемнел от пота. Тренер сорвал кепку с головы, швырнул её на тактический стол у бортика и встал между Мишкой и Хмурым. Его седые усы топорщились от ярости, а глаза за толстыми стеклами очков горели суровым, фронтовым огнем.

— Так! Заткнулись все! — гаркнул Палыч так, что под сводами старых тополей у стадиона вороны взлетели. — Хмуров! Ты че тут устроил, анархист хренов?! Сюда смотри, в глаза мне смотри! Кто тут старый? Кто из ума выжил?! Ты у меня сейчас этот асфальт зубами грызть будешь от ворот до ворот!

Сашка Хмурый невольно отступил на полшага, его наглая уличная спесь слегка просела под тяжелым взглядом старого тренера. Он опустил голову, буркнув под нос:

— Че сразу анархист… Я провериться пришел. Сила есть. Вон, мужики из депо знают, я рельсу один поднимаю.

— Рельсу он поднимает! — Палыч со злостью стукнул тростью по доскам борта. — В хоккее не рельсы поднимают, тут головой работают и за товарища спину подставляют! Короче так, орлы! Набор открыт. Нам нужны две полные пятерки. Будет жесткий отбор. Кто сдохнет на первой неделе — катится обратно в свои подворотни газировку пить. Соколов, Воронин, Шкаф — в голову колонны! Новички — за ними! Начинаем кросс. Десять кругов вокруг машзавода по гравию. Хмуров, вперед пойдешь! Посмотрим, как твоя рельса бегает! Время пошло!

Мишка Соколов повернулся кругом, не глядя больше на Хмурого.

— За мной, Вымпел, — негромко сказал он пацанам.

Они побежали. Первые метры по гравийной дорожке вокруг стадиона давались тяжело. Из-за изменившегося роста у Мишки поменялся шаг, стоптанные кеды непривычно цепляли мелкие камни, а новые, длинные рычаги ног требовали другой координации. Но внутри него работал опыт мастера: он не рвал со старта, держал ровное дыхание через нос, наливая пустые после весенней болезни мышцы тягучей, рабочей силой.

Сашка Хмурый пристроился справа, тяжело топая своими ботинками без шнурков. Он дышал шумно, со свистом, выбрасывая вперед свои массивные мосластые колени. На третьем круге, когда дорожка пошла под уклон мимо забора литейного цеха, Хмурый нарочно, словно случайно, мазнул широким плечом по плечу Мишки, пытаясь вытолкнуть капитана с наката на крупные камни обочины.

Мишка даже головы не повернул. Он просто чуть занизил центр тяжести, ушел глубже в колени — так, как учили в тренировочных лагерях за океаном при плотной опеке, — и жестко, монолитно выставил встречный локоть аккуратно под ребра Хмурому.

Сухой хруст столкнувшихся тел заглушил шорох гравия. Сашка Хмурый охнул, его сбившийся шаг вильнул в сторону, и он едва не улетел носом в кусты крапивы у заводского забора. Скорость он потерял мгновенно, отвалившись в середину бегущей колонны.

— Чисто сыграно, Миха, — прохрипел сзади Валька Королев, тяжело отдуваясь. На его широком лице проступил злой, довольный румянец. — Этот бык правил не знает. Думает, если на танцах колом махал, так и тут все перед ним падать будут.

— Пусть привыкает, — ответил Мишка, увеличивая частоту шага. — Это только начало. Нам за лето нужно из этой толпы выжечь всю уличную дурь. Иначе Москва нас в следующем году даже на перрон не пустит.

Когда колонна завершала десятый круг, солнце уже садилось за мазутные трубы депо, окрашивая небо в густой багровый цвет. На коробке «Машиностроителя» пацаны из новичков валились прямо на траву, ловя ртом горячий воздух. Сашка Хмурый сидел у борта, его майка-алкоголичка потемнела от пота, а тяжелая челюсть была искусана до крови от злости. Он смотрел на Мишку Соколова, который стоял посреди поля ровный, спокойный, лишь слегка тяжело дыша, и в глазах уличного вожака впервые промелькнул не просто скепсис, а глухая, затаенная ненависть. Дуэль за лидерство в «Вымпеле» только начиналась.

Глава 4. Сухая раскатка

Июльское солнце выжгло поселковую траву вокруг стадиона «Машиностроитель» до состояния серой колючей трухи. Каждое движение по асфальту коробки поднимало мелкую, едкую пыль, которая скрипела на зубах и забивала легкие. Мужики из локомотивного депо приволокли к борту тяжелый брезентовый шланг, подключенный к пожарному гидранту, и дважды в день заливали площадку холодной водой, но через полчаса асфальт снова становился сухим и серым, как печной шлак.

Николай Павлович сидел на перевернутом деревянном ящике из-под тракторных радиаторов в тени раскидистого тополя. Его старый синий костюм «Зенит» был расстегнут до середины груди, обнажая седую, иссеченную старыми фронтовыми шрамами кожу. Палыч внимательно, прищурившись, наблюдал за тем, что устроил на площадке его пятнадцатилетний капитан.

Мишка Соколов стоял посреди коробки в одних застиранных спортивных шароварах и стоптанных кедах. Его тело за два месяца жестких тренировок окончательно потеряло подростковую рыхлость. Плечи раздались вширь, грудная клетка напоминала монолитную слесарную плиту, а на длинных, сухих руках бугрились жесткие, словно из кабелей свитые мышцы. В

руках Мишка держал тяжелый, двухкилограммовый стальной лом, обмотанный на конце черной хлопчатобумажной изолентой.

Вокруг него полукругом выстроились двадцать пацанов — вся старая гвардия и бледные, взмыленные новички во главе с Сашкой Хмурым. Ноги у всех дрожали от усталости, а грязные майки потемнели от пота.

— Сюда смотрите, орлы, — голос Мишки прозвучал спокойно.

В Москве столичные пижоны из «Крыльев» бегали на широком шаге. У них лед ровный, как стекло. Наш весенний наст и грязная каша такую биомеханику ломают сразу. Поэтому забудьте про широкий прокат. Наша новая фишка — взрывной короткий шаг и работа корпусом. Длина рук у всех поменялась, рычаги выросли. Если сейчас делать замах клюшкой от уха, как вас в детстве учили, защитник снимет шайбу до того, как вы перо от льда оторвете. Бросать будем кистями. Одним хлёстом предплечий.

Мишка перехватил лом, глубоко ушел в колени, занижая центр тяжести так, что его длинный хребет образовал идеальную прямую линию параллельно асфальту. Это была канадская посадка будущего — максимально устойчивая, перекрывающая сопернику любой доступ к снаряду.

— Хмуров, иди сюда, — Мишка кивнул головой Сашке.

Хмурый, утерев грязный пот со лба широкой ладонью, нехотя шагнул вперед. Его тяжелая челюсть была злобно сжата. Он все еще надеялся показать свою уличную силу, но после кроссов его мосластые ноги еле двигались.

— Встань сзади. Попробуй выбить у меня инструмент, — скомандовал Мишка, удерживая лом одной правой рукой за самый край черенка. — Корпусом дави. Силу свою рельсовую включай.

Сашка Хмурый ухмыльнулся, обнажив сколотый зуб, и с маху навалился всей своей широкой стодесятикилограммовой массой Мишке на спину, одновременно пытаясь ухватиться руками за лом.

Мужики за бортом приподнялись со скамеек. Серёга Воронин замер, сжав кулаки.

Мишка даже не пошевелился. Он не стал бороться с Хмурым силой на силу — это была бы ошибка. Вместо этого Соколов неуловимым, микронным движением таза сместил точку опоры чуть левее, поймал Сашку на противоходе и резко, взрывно довернул левое плечо назад в рамках правил. Это был классический энхаэловский прием укрывания шайбы корпусом, «коробка», из которой соперника выбрасывает центробежной силой.

Сухой, тяжелый стук тел разнесся по стадиону. Хмурый, потеряв сцепление стоптанных ботинок с асфальтом, глухо охнул и кубарем полетел в сторону бортика, с размаху приложившись широкими лопатками о деревянное заграждение. Лом остался в руке Мишки неподвижным, словно приваренным к ладони.

— Твою в обком… — выдохнул Валька Королев, вытаращив глаза. — Он его даже руками не трогал. Чистый разворот.

— Это называется статодинамика, Валя, — Мишка повернулся к притихшим новичкам, даже не взглянув на поднимающегося из пыли Хмурого. — Работают мелкие мышцы-стабилизаторы бедер и поясницы. Сила не в размахе, сила в точке опоры. По тройкам разбились! Взяли деревянные бруски, которые мужики из литейки нарезали. Встаем в пары. Один держит позицию в низкой посадке, второй пытается выдавить корпусом. Работают только ноги и спина. Корпус прямой! Плечи неподвижны! Сто движений на каждого! Поехали!

Коробка мгновенно наполнилась тяжелым, прерывистым дыханием и сухим хрипом пацанов. Новички валились с ног уже через две минуты — их непривычные к такой душной, плотной изометрической нагрузке поясницы горели синим пламенем, а бедра сводило судорогами. Мишка ходил между парами, жестко, по-профессиональному поправляя черенком лома осанку пацанов.

— Колька, ниже сядь! Куда ты зад задираешь, как гусь на пруду? Тебя столичный деф с одного толчка на доски уложит! Петька Зайцев, руки шире расставь, предплечья должны держать, а не кисти! Работаем, Вымпел!

Сашка Хмурый, поднявшись с пыльного асфальта, упрямо встал в пару с Мишкой-близнецом. Его лицо было багровым от злости и стыда, но уличная гордость шестого тупика не позволяла ему бросить брусок. Он давил на близнеца с дикой, мужицкой яростью, выжимая из себя последние силы, но его движения оставались кустарными, размашистыми.

Николай Павлович медленно поднялся со своего ящика. Старый тренер, опершись на бамбуковую трость, подошел к Мишке Соколову, который как раз фиксировал правильное положение рук у Вальки Королева. Лицо Палыча было хмурым, седые усы подергивались, а взгляд за толстыми стеклами очков оставался жестким. Старый фронтовик чувствовал, что нити управления командой незаметно, но упрямо выскальзывают из его пальцев. Поселковый пацан, вечный запасной Мишка, сейчас вел себя как главный тренер канадского профессионального клуба, полностью меняя советскую систему подготовки.

— Соколов, — негромко, сорванным простуженным басом произнес Палыч, перекрывая сухой шум тренировки.

Мишка повернулся к тренеру, удерживая его прямой, трезвый взгляд. Пацаны в парах начали замедлять движения, оглядываясь на лавку. В воздухе повисло тяжелое, вязкое напряжение. Окраина знала: на стадионе есть только один закон, и этот закон носит синий костюм «Зенит».

— Слушаю, Николай Павлович, — спокойно ответил Мишка.

Палыч молча обошел Мишку по кругу, постукивая бамбуковой тростью по раскаленному асфальту. Каждое это прикосновение дерева к покрытию звучало как выстрел в тишине комнаты.

— Систему ты, значит, им канадскую ставишь? — Тренер остановился в двух шагах, его голос стал тише, но в нем проступил тот самый суровый металл, от которого в горкоме чинуши бледнели. — Мышцы-стабилизаторы… Коробка корпусом… Красиво чертишь, капитан Соколов. Мужики из депо смотрят — радуются, пацаны рты раскрыли. Да только ты одну вещь забыл, Миша.

Мишка чуть сузил глаза, не меняя позы. В его подсознании энхаэловца включился процессор кулуарных войн с генеральными менеджерами. Он ждал упреков в нарушении советских стандартов Тарасова.

— Какую вещь, Николай Павлович?

Палыч вдруг резко, со всей силы шарахнул бамбуковой тростью по деревянному борту коробки. Звук удара разорвал тишину, заставив близнецов вздрогнуть.

— А ту вещь, Миша, что ты в этой секции — всего лишь капитан! Обычный шестнадцатилетний пацан с рабочей окраины! А главный тренер здесь — я! Николай Павлович! И последнее слово, как тренироваться команде, по какому уставу бегать и какую тактику на лед выносить — принимаю я, а не твой канадский замок! Ты мне тут анархию не разводи, Соколов! Расчертил он тут ОФП… На лавку сел! Живо! До конца тренировки на банке сидишь и на спичечные коробки свои смотришь! А вы че замерли, оболтусы?! — Палыч обернулся к застывшим пацанам, его седые усы топорщились от ярости. — По тройкам разбились! Гусиным шагом от ворот до ворот три круга! Кто сдохнет — пойдет каптерку мыть до июля! Шевелись, машзавод! Время пошло!

Мишка Соколов молча перехватил стальной лом, повернулся и спокойным, размеренным шагом пошел к скамейке запасных. Его лицо оставалось ледяным, но внутри, за этой новой, налившейся силой подростковой оболочкой, впервые за все время сборов шевельнулось странное, забытое чувство. Разум взрослого энхаэловца столкнулся не с бюрократическим цирку-

ляром Князева-старшего, а с железной, непоколебимой волей старого фронтовика, который строил этот «Вымпел» своими руками из руин и подвальной нищеты.

Глава 5. Разговор по-мужски в каптерке

Сумерки опустились на рабочую окраину быстро, затянув коробку «Машиностроителя» густой сизой дымкой. Запах остывающего асфальта смешивался с горьким ароматом тополиной листвы и мазутным шлейфом, тянувшимся со стороны железнодорожного депо. Пацаны давно разошлись по домам, гремя стоптанными кедами по гравийной дорожке. На стадионе воцарилась звенящая, вязкая тишина, прерываемая лишь мерным хрипом старого компрессора в деповской будке за забором.

Мишка Соколов подошел к двери каптерки, державшейся на хлипких, тронутых ржавчиной петлях. Из узкого затянутого марлей окна пробивался тусклый, желтый свет сороковаттной лампочки. Под курткой у Мишки все еще ныли от непривычной изометрической нагрузки мышцы поясницы, но лицо оставалось спокойным.

Он потянул на себя облупившуюся деревянную ручку. Дверь со скрипом поддалась.

Внутри каптерки пахло застарелым махорочным дымом, сырой брезентовой кожей баулов и вонючим ихтиолом. На тактическом столе, заваленном ведомостями профкома и серыми бланками рецептов, сиротливо лежала затрепанная тетрадь в коленкоровом переплете. Николай Павлович сидел на табурете, не сняв своего синего тренировочного костюма. Его кепка валялась на полу у дверей, открывая седую, коротко стриженную по-фронтовому голову. Старый тренер левой рукой аккуратно капал из стеклянного флакона валерьянку в граненый стакан с мутной водой, а пальцы правой, потемневшей от машинного масла перчатки то и дело бесцельно вертели корпус секундомера.

Мишка вошел, аккуратно прикрыв за собой дверь на засов. Металлический щелчок прозвучал в тесной комнатке как выстрел.

Палыч не поднял головы. Он дождался, пока последняя капля упадет в стакан, медленно выпил воду, шумно выдохнул, и лишь после этого посмотрел на своего капитана. Взгляд старого фронтовика из-под очков в толстой роговой оправе был тяжелым, трезвым и абсолютно безжалостным.

— Пришел, значит, Соколов? — тихо, сорванным простуженным басом произнес тренер. — Небось, обиду в кармане принес? Думаешь, старик тебя перед пацанами ни за что на банку усадил, тактику твою канадскую поломал?

Мишка не стал садиться на колченогий стул у верстака. Он остался стоять у двери, опустив длинные, сухие руки, на которых после гаражных тренировок проступили жесткие жилы. В его взгляде не было подростковой спеси или уязвленного самолюбия — только сухой, профессиональный разбор.

— Обиды нет, Николай Павлович, — спокойно, без капли прежнего сопливого лепета ответил Мишка. — В хоккее на обиженных воду возят. Я анализировал тренировку. Мои упражнения на статодинамику дают результат. Королев прибавил в устойчивости, близнецы кисть закачали.

Палыч горько, коротко усмехнулся в усы, поднимаясь со стула. Его тяжелые суконные сапоги глухо застучали по щербатым доскам пола. Он подошел к узкому окну, затянутому густой морозной изморозью, принялся ногтем ковырять засохшую краску на стекле.

— Каркас, говоришь… Статодинамика… — Тренер резко повернулся , и его бамбуковая трость со свистом рассекла воздух, глухо ударив по тактическому столу прямо перед Мишкой. Стакан подпрыгнул, покатившись по ведомостям. — Да плевать мне на твои термины заграничные, Миша! Ты в планшет мой посмотри! Ты на пацанов посмотри, которые сегодня на асфальте рты раскрыли!

Палыч сделал шаг вперед, вплотную приблизившись к Соколову. Его седые усы топорщились от глухой, злой решимости, а из груди вырывался свистящий хрип.

— Ты че устроил перед новичками, капитан? Ты Хмурова у борта уложил, красиво уложил, по-мужски. А дальше че? Начал команды раздавать через мою голову? «Колька, ниже сядь! Петька, руки шире!». Ты себя кем возомнил в этой каптерке, Соколов? Старшим тренером? Председателем спорткомитета?!

Мишка молчал, удерживая прямой взгляд Палыча. Он ждал этого клина. Разум энхаэловца понимал, что старик защищает свою территорию, но мотивы тренера были глубже, чем обычная номенклатурная ревность чинуш из горкома.

— Николай Павлович, я просто хотел ускорить процесс…

— Ускорить процесс он хотел! — Палыч со злостью стукнул кулаком по колену. — А ты подумал, малый, что в этой толпе новичков половина — хулиганье из шестого тупика? Которые только и ждут, чтоб в «Вымпеле» двоевластие началось? Сашка Хмурый под тебя копать пришел, он спит и видит, как первую пятерку под себя подмять и банду свою устроить. Если пацаны увидят, что капитан тренеру указывать горазд, у нас завтра секции не будет! Будет стадо оборванцев, которое на лед выйдет и друг другу клюшками хребты переломает!

Тренер бессильно опустился обратно на табурет, потерев натруженную переносицу. Лицо старого фронтовика под светом редкой лампочки казалось осунувшимся, бледным, покрытым серой сеткой морщин.

— Ты для них, Миша, — обычный шестнадцатилетний пацан, — уже тише, с какой-то отцовской усталостью произнес Палыч. — Слесарев сын. Вечный запасной, который зимой чудом область выгрыз. И если ты сейчас начнешь из себя директора машзавода строить, они от тебя отвернутся. Провинция не любит выскочек, которые выше коллектива прыгают. Запомни это, капитан. Замок твой канадский работает, я не слепой, вижу. И дробь в ведре, и жгуты мазовские — всё в дело идет. Но тренировать ребят, устав им давать и последнее слово за тактику принимать — буду я! Николай Павлович! Пока меня из этой каптерки вперед ногами не вынесут. Понял ты меня, Соколов?

Мишка смотрел на бледное лицо тренера. И в этот момент он понял, что этот старый фронтовик, прошедший через сухой ад войны и нищету послевоенных бараков, видел такие человеческие изломы, которые никаким энхаэловским менеджерам и скаутам в кошмарах не снились. Палыч держал субординацию не ради своей гордости — он берег команду от развала изнутри. Он держал монолитный хребет «Вымпела» единственным доступным ему способом — жестким, армейским уставом. И если этот устав сломать, Сашка Хмурый сожрет их всех поодиночке.

Мишка сделал шаг вперед, подошел к столу, поднял покатившийся стакан и аккуратно поставил его на место. На его жестком, рубленом лице проступила спокойная, уважительная улыбка — первая за все время сборов.

— Понял, Николай Павлович, — тихо, но твердо произнес Мишка, чеканя слова. — Вы правы. Я увлекся рычагами. Забыл про дисциплину. Для пацанов я — обычный капитан, Соколов с третьей линии. Последнее слово за вами. Всегда.

Палыч медленно поднял глаза поверх старых очков. Взгляд старого тренера долго сканировал лицо Мишки, словно выискивая затаенную фальшь или подростковую обиду. Но перед ним стоял рослый, длиннорукий атлет , с абсолютно взрослым взглядом мужика, который умеет держать удар.

Тренер тяжело вздохнул, его седые усы наконец разгладились, а в глазах за толстыми стеклами снова зажегся тот суровый, но теплый огонек. Он залез во внутренний карман тренировочного костюма, достал оттуда пожелтевший, аккуратно сложенный листок бумаги и развернул его на столе, придавив тяжелым граненым стаканом.

— Ладно, Соколов… Слюни подобрали, — буркнул Палыч, но в его простуженном басе больше не было ярости. — Садись на стул, че как неродной стоишь. Гляди, че мне

сегодня нарочный из управления путей сообщения привез. Официальный календарь молодежных соревнований на призы клуба «Золотая шайба» по нашей возрастной категории.

Мишка присел на колченогий табурет, вчитываясь в рваные машинописные строчки.

— Князев-старший из горкома эту бумагу перекрыть не смог, масштабы не те, — Палыч горько ухмыльнулся, потерев переносицу. — Но путевку на Всесоюзный финал в Москву получит только одна команда от области. Та, которая займет первое место на весеннем насте в Челябинске. Нам эту стену пробивать придется с боем. И Князев своего Тольку в интернате уже обкатывает на искусственном льду под прикрытием обкомовских чиновников.

— Пробьем, Николай Павлович, — Мишка жестко зафиксировал ладонь на деревянном черенке стоявшей в углу клюшки. — Пацанов мы за лето высушим на физухе, новые мышцы под капкан подстроим. Завтра в четыре часа тренировка по вашему плану. Гусиный шаг так гусиный шаг. Будем ноги наливать.

Палыч удовлетворенно кивнул, вытащил из кармана огрызок карандаша и сделал жирную пометку в своей затрепанной коленкоровой тетради.

Глава 6. Подлая игра

Августовский полдень высушил машзаводской поселок до звона в ушах. Воздух над стадионом «Машиностроитель» дрожал, пропитанный густым запахом разогретого гудрона, сухой тополиной пыли и едкой гари со стороны литейных цехов. Мужики со второй смены даже не заходили на траву за бортиком — сидели в тени ведомственного гаража, лениво переговариваясь под мерный стук кувалд электриков.

На коробке шла жесткая сухая двусторонка пять на пять. Коньков не было — пацаны носились по раскаленному асфальту в стоптанных кедах и тяжелых рабочих ботинках со стальным носком, которые Палыч выбил со склада депо. Вместо шайбы по площадке с сухим скрежетом летал тяжелый мяч из литой резины, оставляя на деревянных бортах черные жирные полосы.

Николай Павлович минут десять назад ушел в здание заводоуправления — бухгалтерша из профкома вызвала его из-за ведомостей на новые ватиновые трусы и картонные щитки. Оставив секундомер на тактическом столе у лавки запасных, тренер строго предупредил: «Играть плотно, в кость, но без кустарщины. Миша, за старшего остаешься».

Мишка Соколов вел мяч по правому флангу первой пятерки. Его широкое тело двигалось легко, длинные рычаги ног выдавали мощный, пружинящий шаг, полностью перестроенный под изменившийся центр тяжести. Он не смотрел на мяч — взгляд тридцатилетнего мастера сканировал площадку на три секунды вперед, просчитывая траекторию движения пацанов. Наперерез ему из второй, «барачной» пятерки выкатился рослый близнец Колька, выставив вперед свою самодельную «саблю», укрепленную эпоксидкой.

— Валя, открывайся под синюю! — гаркнул Мишка, неуловимым движением кистей, одними пальцами, переложив резиновый снаряд под бэкхэнд.

Валька Королев, занявший позицию глубокого центрального защитника первой пятерки, уже бежал назад, спиной вперед, перекрывая среднюю зону. За лето птушник превратился в настоящего монолитного дефа — плечи раздались, грудь налилась сухой рабочей массой, а движения стали расчетливыми, жесткими. Он шел по своей колее безупречно, готовый принять скрытый пас капитана.

Но принять передачу Валька не успел.

Из глубины зоны второй пятерки, ломая всю тактическую сетку капкана, коршуном полетел Сашка Хмурый. За два месяца тренировок Хмурый так и не принял канадскую систему Мишки — он по-прежнему бегал размашисто, кустарно, налегая на соперников всей своей стодесятикилограммовой уличной массой. Его тяжелая челюсть была злобно сжата, а серые глаза под коротким ежиком волос горели затаенной, черной ненавистью. Сашка понимал, что

Королев намертво закрыл ему место в стартовом составе, и честно переиграть этого сыгранного дефа у него не выйдет.

Когда Валька Королев в низкой посадке притормозил у синей линии, укрывая корпусом условный пятак, Хмурый даже не попытался сыграть в мяч. Он на полной скорости пошел на сближение, дождался, пока Валька завалит левое плечо для разворота, и умышленно, грязно сунул черенок своей тяжелой клюшки аккуратно Королеву между ног, одновременно жестко подставив колено на противоходе.

Сухой, страшный треск ломающегося дерева разорвал тишину стадиона. Самодельная «Эфси» Вальки, склеенная в гараже стеклотканью, разлетелась на куски. Самого Королева от такого подлого приема перевернуло в воздухе. Он со всего маху пропахал носом и коленями раскаленный, покрытый мелкой пылью асфальт коробки, с глухим стуком влетев корпусом в деревянное заграждение.

— А-а-а, сука! — Валька согнулся калачиком у борта, обхватив руками правое колено. Из-под разорванного трико мгновенно хлынула теплая, темная кровь, смешиваясь с серой гаражной пылью. Лицо парня побелело от дикой боли, а губы затряслись.

Площадка мгновенно замерла. Резиновый мяч лениво укатился к противоположным воротам и со стуком замер у досок.

Пацаны из первой пятерки — Серёга Воронин и близнецы — застыли на месте, вытаращив глаза. Мужики у гаража депо приподнялись со своих ящиков, побросав папиросы. Подлый уличный прием Хмурого видели все. Это был не игровой стык — это было намеренное калечение товарища по команде ради места в составе.

Сашка Хмурый стоял в трех шагах от Королева, лениво опустив плечи и держа в руке уцелевшую клюшку. На его наглом лице проступила издевательская ухмылка, обнажившая сколотый передний зуб. Он сплюнул сквозь зубы в пыль и равнодушно бросил:

— Че развопился, птушник? Хоккей — игра жесткая. Ноги шире надо ставить, чтоб клюшки между них не летали. Миха, че встали? Играем дальше, че он там разлегся, как баба в малиннике?

Мишка Соколов не стал кричать. В его подсознании энхаэловца не было подросткового гнева — там включился абсолютно сухой, ледяной процессор тафгая из профессионального хоккея будущего. Настоящая команда — это семья, монолит, где за подлость против своего уничтожают на месте. Без судейских слюней и номенклатурных разбирательств. Если сейчас простить Хмурому эту грязь, «Вымпел» развалится на банды до первой ледовой раскатки.

Мишка медленно опустил свою клюшку на асфальт. Его длинные ноги двигались размеренно, мягко, без суеты. Каждое прикосновение тяжелых рабочих ботинок к покрытию звучало в гробовой тишине стадиона как отсчет секунд перед взрывом. Он шел прямо на Хмурого, сканируя его позу оценивающим, волчьим взглядом.

Сашка Хмурый, заметив это движение капитана, ухмыльнулся шире, перехватил свою клюшку двумя руками за черенок, как дубину, и выставил её перед грудью.

— Че, девятка, права качать пойдешь? Ну давай, сунься. Я тебе не Королев, я уличный…

Закончить он не успел.

Мишка не стал делать размашистых боксерских замахов — это была бы ошибка уличного пижона. На полной скорости, сделав два коротких взрывных шага, он занизил центр тяжести, ушел глубоко в колени и жестко, монолитно вогнал свои широкие предплечья аккуратно в грудь Хмурому, одновременно подбив черенок его клюшки снизу вверх. Это был чистый канадский силовой прием на противоходе, «мельница», выполненная на сухом покрытии с идеальным расчетом массы.

Бам!

Звук столкновения тел получился глухим и сочным. Хмурый охнул, его клюшка со звоном улетела за борт, а сам он потерял равновесие и тяжелым мешком рухнул спиной на раскаленный асфальт площадки, подняв облако серой пыли. Воздух из его легких вылетел со свистом. Он перевернулся на бок и упёрся ладонью в асфальт, но подняться не успел. Прежде чем Сашка успел сообразить, что произошло, Мишка Соколов уже опустился на одно колено рядом, железными пальцами левой ладони намертво, до хруста сухожилий, схватил Хмурого за загривок и с силой прижал его тяжелую челюсть обратно к асфальту. Пальцы правой руки Мишки сжались в тяжелый слесарный кулак, остановившись в сантиметре от носа Сашки.

— Сюда смотри, сопляк, — голос Мишки прозвучал тихо, почти шепотом, но в нем звенела такая дикая, первобытная яростная сила взрослого мужика, что Хмурый невольно замер, испуганно вытаращив свои серые глаза. — В глаза мне смотри, Хмуров! Ты че тут устроил, крыса ты подвальная? Ты на кого клюшку поднял? На брата своего по команде?!

— Миха… отпусти… я просто… в тело сыграл… — прохрипел Сашка, пытаясь вырваться левой рукой, но длинные, сухие рычаги Мишки держали его каркас мертвой хваткой, не давая пошевелиться.

— В тело ты сыграл? — Мишка еще сильнее прижал его голову к асфальту, так что сколотый зуб Хмурого скрипнул по камням. — Ты запомни, Хмуров, раз и навсегда. И все вы запомните, кто из бараков пришел! — Соколов обернулся к притихшим новичкам, его взгляд буквально пригвоздил их к местам. — Мы здесь — «Вымпел»! Одна семья! Один командный кулак! И если кто-то из вас еще раз хотя бы косо посмотрит на товарища, если кто-то грязь на тренировку принесет ради места в старте — я лично хребет переломаю и с позором со стадиона выкину! Нам крысы в системе не нужны!

Мишка резко разжал пальцы, поднялся на ноги, брезгливо вытерев ладонь о спортивные шаровары. Сашка Хмурый остался лежать в пыли, тяжело хрипя, держась за горло и утирая кровь со свежего рассечения на подбородке. В его глазах больше не было наглой уличной спеси — там горел дикий, животный испуг перед этой непонятной, ледяной силой вечного запасного Соколова.

— Встал! — рявкнул Мишка, ткнув пальцем в сторону калитки. — Баул свой забирай и пошел вон отсюда! Чтобы духу твоего на «Машиностроителе» больше не было! Ты исключен из ДЮСШ «Вымпел»! Навсегда! Понял меня, Хмуров?!

Сашка, шатаясь, поднялся с асфальта. Его серая майка-алкоголичка была порвана на плече, а засаленные шаровары покрылись бурой грязью. Он молча, не глядя больше ни на кого, доковылял до лавки, подхватил свой драный брезентовый мешок и поплелся к выходу с коробки. Пацаны из новичков расступались перед ним в гробовой тишине, опустив глаза. Урок машзаводской чести был вбит в их подсознание намертво.

Мишка подбежал к Вальке Королеву, опустился на корточки. Серёга Воронин уже тащил из каптерки фанерный ящик с медикаментами и чистую марлю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.